

А. М. КАМЧАТНОВ

РУССКИЙ ДРЕВОСЛОВ АЛЕКСАНДРА ШИШКОВА

ЛИНГВИСТИЧЕСКОЕ НАСЛЕДИЕ А. С. ШИШКОВА
В НАУЧНОМ И КУЛЬТУРНОМ КОНТЕКСТЕ ЭПОХИ

Нестор-История
Санкт-Петербург
2018

Рецензенты:

д-р филол. наук, профессор *Л.И. Скворцов*,
д-р филол. наук, профессор *С.В. Сапожков*,
канд. филол. наук, доцент *В.Г. Сиромеха*

Камчатнов А. М.

К188 Русский древослов Александра Шишкова: Лингвистическое наследие А. С. Шишкова в научном и культурном контексте эпохи. — СПб. : Нестор-История, 2018. — 368 с.

ISBN 978-5-4469-1373-2

Книга представляет собой исследование научно-лингвистического наследия А. С. Шишкова во всей полноте, прежде всего в связи с его философией языка, а также с развитием языкознания и культурными процессами его времени. Философский и вместе исторический взгляд позволил определить истинное место Шишкова в истории науки и культуры и в то же время отделить «зерна» от «плевел» в его научном наследии, что является особенно актуальным в связи с использованием имени А. С. Шишкова в разнообразных антинаучных выступлениях последнего времени. Кроме того, были выявлены поставленные А. С. Шишковым опередившее время научные проблемы, не решенные до сих пор, ставшие научным завещанием ученого следующим поколениям языковедов.

Издание предназначено для филологов, историков русского языкознания, а также для всех интересующихся историей русской культуры конца XVIII — начала XIX века.

ISBN 978-5-4469-1373-2

© А. М. Камчатнов, 2018
© Издательство «Нестор-История», 2018

ВВЕДЕНИЕ

Личность и труды Александра Семеновича Шишкова всегда привлекали к себе внимание филологов, однако рассматривались они при этом довольно однобоко, всегда «в связи с», то есть во взаимосвязи с кем-то более крупным в истории литературы, с чем-то более значимым в истории науки. В то же время всегда были и есть люди, которые видят в трудах Шишкова надежный источник сведений по происхождению и истории слов русского языка; это люди, не получившие систематического лингвистического образования и считающие, что заниматься этимологией очень легко — надо лишь найти слова, которые похожи по звучанию и имеют нечто общее в значении; для них Шишков поистине родственная душа. Но по этой же причине историки науки вообще выводят Шишкова за пределы научного языкознания, видя в его работах некую донаучную стадию в развитии лингвистики.

Однако обращение к трудам Шишкова во всей их полноте позволяет убедиться в том, что они еще не были прочитаны с должным вниманием, что не все в них безнадежно устарело и кое-какие поставленные им задачи имеют вполне научный характер и все еще не решены, в связи с чем некоторые суждения Шишкова до сих пор заслуживают внимания. Наконец, сама личность Шишкова, бескорыстно преданного русскому языку, бесстрашно и страстно защищавшего то, что он считал истиной, не может не вызывать подлинного уважения и неподдельного интереса.

Целью настоящей работы является исследование научно-лингвистического наследия А. С. Шишкова во всей его полноте, прежде всего в связи с его философией языка, а также с развитием языкознания и культурными процессами того времени. Философский и вместе исторический взгляд позволит определить истинное место Шишкова в истории науки и культуры и в то же время отделить «зерна» от «плевел» в его научном наследии.

Исследование творческого наследия А. С. Шишкова с источниковедческой точки зрения не представляет особых сложностей. Практически все им написанное, включая частную переписку, опубликовано в повременных

изданиях или в виде отдельных книг и практически полностью вошло в подготовленное самим А. С. Шишковым собрание его сочинений в 17 частях (СПб., 1818–1839). Некоторые произведения были опубликованы два, три и даже четыре раза, однако текстологического анализа, насколько нам известно, не проводилось и критического издания текстов А. С. Шишкова не существует. По-видимому, считается, что А. С. Шишков не такая значительная фигура, чтобы тратить время и деньги на подготовку и издание его сочинений, однако интерес к нему не угасает и отсутствие научного издания «компенсируется» изданиями, весьма далекими от научности, о чем мы скажем несколько слов ниже.

Благодаря библиографическим заботам А. Н. Стрижева творческое наследие А. С. Шишкова легко обозримо; здесь же представлена в возможной на сегодняшний день полноте литература о Шишкове [См.: Стрижев 2011].

Тематически наследие А. С. Шишкова можно разделить на шесть групп:

- 1) филологические труды;
- 2) произведения для детей;
- 3) переводы художественных текстов;
- 4) политические сочинения;
- 5) мемуары;
- 6) переписка.

В настоящем исследовании речь пойдет только о произведениях первой, самой большой, группы, остальные же будут затронуты лишь постольку, поскольку прямо или косвенно связаны с филологическими и лингвистическими проблемами.

Александр Семенович Шишков принадлежал к числу тех цельных русских характеров, которые были нередки в Екатерининскую эпоху. Эта цельность проявилась в том, что все те задачи, которые он ставил перед собой в разные периоды своей творческой жизни, образуют органическое единство, все части которого связаны общей логикой. В целом можно сказать, что лингвистическое мировоззрение Шишкова определяется двумя представлениями:

- 1) язык вообще есть органон мысли; каждый национальный язык есть своеобразный органон мысли;
- 2) русский литературный язык по природе есть язык славяно-русский.

Эти два представления определяют программу конкретных лингвистических исследований Шишкова. Соответственно все лингвистическое наследие Шишкова можно распределить на четыре группы:

- 1) сочинения, в которых теоретически и исторически обосновываются названные выше положения;
- 2) сочинение словаря славянского языка;
- 3) сочинение словопроизводного словаря;
- 4) сочинения о родстве языков.

Постановка и решение этих задач происходили в разные периоды жизни А. С. Шишкова, поэтому изложение и анализ его взглядов наиболее целесообразно сделать в жанре научной биографии. В настоящее время одни аспекты жизни и творчества А. С. Шишкова изучены лучше, другие хуже; однако из песни слова не выкинешь — в научной биографии должны быть освещены все стороны наследия героя. Созаем, что это ведет к известному дисбалансу, может вызвать чувство досады у искушенного читателя, за что прошу меня извинить и оправдываю себя тем, что и он найдет в книге нечто ему дотоле неизвестное, а менее взыскательный читатель получит ту полноту изложения, на которую я сейчас способен.

Творческий путь А. С. Шишкова распадается на несколько периодов, каждый из которых характеризуется вниманием к особым темам, но все вместе эти периоды складываются в удивительно цельную картину, объединенную самобытным лингвистическим мировоззрением автора.

Первый период творчества Шишкова начинается в 1778 г. и продолжается до 1803 г. В 1778 г., 24 лет от роду, после нескольких лет службы на Балтийском флоте, Шишков был возвращен в родной для него Морской кадетский корпус в качестве преподавателя. Именно с педагогической деятельностью Шишкова связано появление его первого лингвистического труда — «Трехязычного морского словаря на английском, французском и русском языках» (В 3 ч. СПб., 1795; 2-е изд., 1797; 3-е изд., 1835).

В 1796 г. Шишков был избран членом Российской академии и стал участником обсуждений «Словаря Академии Российской», идеология которого надолго, если не навсегда, определила лингвистическое мировоззрение Шишкова.

Второй период длился с 1803 до 1812 г. Начался он с публикации «Рассуждения о старом и новом слоге русского языка» (СПб., 1803), содержащего острую критику «нового слога» Карамзина и его последователей. Критика вызвала ответную полемику. Началась настоящая литературная война, в ходе которой Шишковым были написаны и опубликованы такие сочинения, как «Прибавление к сочинению, называемому “Рассуждение о старом и новом слоге русского языка”, или Собрание критик, изданных на сию книгу, с примечаниями на оные» (1804 г.), «О звукоподражании» (1805 г.), «Разговор между двумя приятелями о переводе слов с одного языка на другой» (1805 г.), «О словах» (1806 г.), «Перевод двух статей из Лагарпа, с примечаниями переводчика» (1808 г.), «Рассуждение о красноречии Священного писания и о том, в чем состоит богатство, обилие, красота и сила русского языка и какими средствами оный еще более распространить, обогатить и усовершенствовать можно, читанное в годичное Императорской Российской академии собрание, бывшее в 3 день декабря 1810 года» (1811 г.), «Прибавление к “Разговорам о словесности”, или Возражения против возражений, сделанных на сию книгу» (1812 г.). В этих

трудах вполне выкристаллизовались научные взгляды Шишкова, получившие практическое воплощение в третий период его творчества, который начинается в 1812 г. К этому же периоду относится основание «Беседы любителей русского слова» (1811 г.), деятельным членом и председателем ее первого разряда вплоть до закрытия общества в 1816 г. был Шишков.

После начала Отечественной войны Александр I назначил Шишкова на должность Государственного секретаря. На этом посту Шишкову пришлось писать от имени государя манифесты, обращенные и к войскам, и ко всему населению России («Собрание высочайших манифестов, грамот, указов, рескриптов, приказов войскам и разных извещений, последовавших в течение 1812, 1813, 1814, 1815 и 1816 годов» (СПб., 1816)). В них Шишков сумел полностью воплотить всю ту совокупность идей о славяно-русской природе литературного языка, которые он развивал в ходе полемики с карамзинистами.

Четвертый период начинается с 1813 г., когда Шишков был назначен президентом Российской академии. Основной сферой его интересов в этот период и как организатора академической работы, и как ученого становится лексикография. Исходя из представления о славяно-русской природе русского литературного языка, Шишков желал привести в известность все лексические богатства славянского языка; результатом этой работы стали статья «Некоторые примечания на предполагаемое вновь сочинение Российского словаря» (1815 г.) и издание «Опыта Славенского словаря, или Объяснение силы и знаменования коренных и производных русских слов, по недовольному истолкованию оных мало известных и потому мало употребительных», печатавшегося в «Известиях Российской Академии» с 1815 по 1819 г., затем перепечатанного в собрании сочинений Шишкова (Ч. 5. СПб., 1825).

Одновременно с этим Шишковым владела еще одна мысль — создать так называемый словопроизводный словарь русского языка; эта мысль ведет свое начало от «Словаря Академии Российской», который, как известно, и был составлен по гнездовому, или словопроизводному, принципу. Плодом размышлений Шишкова о теоретических основах такого словаря и практическом их воплощении стали такие сочинения, как «О предлогах» (1816 г.), «Рассмотрение корня в произведенных от него ветвях» (1818 г.), «Продолжение исследования корней: Корень МАЛ; Корень ПИН» (1818 г.), «О словопроизводстве» (1819 г.), «Продолжение исследования корней» (1821 г.), «Опыт словаря по корням, иначе называемом словопроизводным» (1828 г.), «Руководство к сочинению Словопроизводного словаря. Составлено из статей, напечатанных в 1 и 2-й книгах “Известий Академии Российской”, с некоторыми к тому прибавлениями» (1830 г.), «Опыт рассуждения о предлогах» (1830 г.), «Опыт словопроизводного словаря, содержащий в себе дерево, стоящее на корне МР. С означением 24 колен и 920 ветвей» (1833 г.), «Прибавление к рассуждению о предлогах» (1835 г.).

Наконец, в круг научных интересов Шишкова входило сравнительное изучение языков. Эта мысль взволновала его еще в XVIII в. в связи с изданием «Сравнительного словаря всех языков и наречий, по азбучному порядку расположенный» академика П. С. Палласа (т. 1–4. СПб., 1790–1791). Интерес к этой теме вылился у Шишкова, во-первых, в переиздание словаря Палласа под названием «Собрания языков и наречий, с примечаниями на оные» (1830–1832 гг.; переиздано в Собр. соч., ч. 15–16) и, во-вторых, в собственные сочинения: «Опыт рассуждения о первоначалии, единстве и разности языков, основанный на исследовании оных: Статья 1» (1817 г.), «Сравнение Краинского наречия с Российским, взятым собственно за славенский язык: Статья 2» (1817 г.), «Опыт всеобщего словаря, или Собрание на разных языках слов, имеющих одинакий корень и одинакое значение, из чего явствует, что все языки происходят от первобытного языка, и не иное что суть, как отдаленные наречия оного» (1829 г.).

Таков корпус собственно лингвистических трудов А. С. Шишкова, который будет предметом нашего рассмотрения. Кроме этих основных сочинений, источниками, необходимыми для изучения лингвистических взглядов Шишкова и уяснения его места в истории русского языкознания, являются мемуары Шишкова, а также его переписка.

Важным источником для достижения поставленных целей являются как полемические, так и апологетические отклики современников на сочинения Шишкова — П. Макарова, И. Мартынова, Е. Станевича, М. Каченовского, а также Д. Дашкова, образовавшего вместе с Д. Блудовым, В. Жуковским, С. Уваровым, К. Батюшковым, В. Пушкиным и другими литературное общество «Арзамас», на заседаниях которого Шишков и созданная им «Беседа» стали объектом постоянных насмешек и издевательской критики.

Непосредственное отношение к нашей теме имеют воспоминания о Шишкове и о тех событиях, участником которых он был, библиографические изыскания и биографические исследования. С воспоминаниями о Шишкове выступили С. Аксаков, Н. Греч, М. Дмитриев, О. Пржецлавский, Ф. Вигель, С. Жихарев и др.; библиографическими разысканиями занимался Н. Лонгинов; благодаря всему этому стало возможным написание единственной пока биографии Шишкова, принадлежащей В. Стоюнину.

В нашей работе будут учтены результаты научных исследований учено-литературной деятельности Шишкова, которые начали проводиться с середины XIX в. и продолжают по сей день. Это статьи и книги П. Л. Сухонина, К. Петрова, Я. К. Грота, А. Н. Пыпина, А. Пятковского, П. Щебальского, М. И. Сухомлинова, А. А. Кочубинского, И. В. Ягича, И. И. Порфирьева, Н. К. Пиксанова, Н. Н. Булича, В. Троицкого, Н. А. Палицына, В. Ф. Саводника, Ю. Н. Тынянова, В. В. Виноградова, А. В. Западова, Б. С. Мейлаха, В. Г. Базанова, А. И. Ефимова, В. А. Десницкого, Н. И. Мордовченко, З. И. Забегайловой,

М. Г. Альтшуллера, Ю. М. Лотмана, Б. А. Успенского, М. Ш. Файнштейна, В. И. Сахарова, И. Ю. Винницкого, О. А. Проскурина, А. Зорина, А. Ю. Минакова, И. З. Сермана, С. В. Иванова, М. Майофис, С. И. Панова, Б. М. Гаспарова, Ц. Виттекер и др.

Следует сказать еще раз о том, чем наше исследование будет отличаться от предыдущих: оно не является ни историко-литературным, ни историко-лингвистическим, хотя элементы того и другого, несомненно, в нем присутствуют. Его общая направленность — лингвофилософская. По нашему мнению, А. С. Шишков явился создателем самобытной философии языка, которая определила собою строй мыслей Шишкова и тематику его научных исследований. На установление сущностных черт этой философии и выявление ее связей с конкретными лингвистическими разысканиями Шишкова будут направлены наши основные усилия.

Наконец, не могу не выразить своего чувства признательности и благодарности к тем, кто взялся прочесть книгу в рукописи: Юлии Камчатновой, Василию Морову, Сергею Сапожкову, Виталию Сиромaxe, Льву Скворцову, которые своей доброжелательной критикой, замечаниями и советами избавили ее от многих недостатков и изъянов; особая благодарность Александру Николаевичу Стрижеву, с неизменным благожелательством снабжавшему меня всеми необходимыми библиографическими справками и редкой литературой.

ГЛАВА 1

НАЧАЛЬНЫЕ ГОДЫ

1

Александр Семенович Шишков родился 16 марта 1753 г. в Петербурге¹. О детстве Александра Семеновича мы ничего достоверно не знаем, но вместе с его биографом можем предположить, что «скорѣ всего онъ воспитался при тѣхъ же условіяхъ, при которыхъ воспитывались и нѣкоторые изъ его сверстниковъ, почтенныхъ дѣятелей въ общей русской жизни второй половины прошедшаго столѣтія, какъ на примѣръ, Фонъ-Визинъ, Державинъ и др. Въ нихъ развивались религіозное чувство и мысль подѣ вліяніемъ чтенія церковныхъ книгъ, священной исторіи и четіи-минеи, а съ этимъ вмѣстѣ и ухороднилось съ церковнымъ языкомъ; развивалась и любовь къ природѣ подѣ вліяніемъ близкихъ отношеній къ ней, развивалась любовь къ человѣку подѣ впечатлѣніями любящей родной семьи, развивалась любовь къ родинѣ подѣ впечатлѣніемъ разсказовъ о славныхъ и громкихъ прошедшихъ временахъ Петра, подѣ впечатлѣніемъ народныхъ пѣсенъ, а можетъ быть и звучныхъ одъ Ломоносова и другихъ стихотворцевъ. По крайней мѣрѣ, чутье народнаго языка въ немъ не было заглушено въ дѣтствѣ, какъ въ то время уже заглушалось въ модныхъ семьяхъ придворнаго общества; равнымъ образомъ и пониманіе старо-славянскаго языка библіи на столько сдѣлалось доступно, что позволяло понимать поэтическія красоты выраженія» [Стоюнин 1880, 3–4].

Юношеские годы Шишкова прошли в Морском кадетском корпусе, директором которого в то время был просвѣщенный и энергичный И. Л. Голенищев-Кутузов. «Иванъ Логиновичъ получилъ превосходное воспитаніе, зналъ совершенно языки Французскій и Нѣмецкій, и страстно любилъ Русскую литературу. Въ гостиной Кутузова можно было встрѣтить почти всѣ наши Русскія и иностранныя знаменитости: ученыхъ, литераторовъ и художниковъ» [Веселаго 1852, 141–142].

Кроме математики и специальныхъ дисциплин, в корпусе преподавали немецкій, французскій, англійскій и латинскій языки, а также риторику, однако ни русскаго, ни славянскаго языка в списке преподаваемыхъ предметовъ не было: совершенствоваться в нихъ кадеты могли только черезъ чтеніе русскихъ

писателей во главе с Ломоносовым и посредством собственных переводов с иностранных языков.

Состоя под началом у И. Л. Голенищева-Кутузова, «Шишков находился в определенной зависимости от него и в занятиях словесностью: не без влияния Голенищева-Кутузова и, по всей видимости, пользуясь его рекомендациями, Шишков в середине 1780-х гг. начал переводить морские книги и работать над собственными сочинениями по истории флота. Его положение по отношению к Голенищеву-Кутузову (а также и к В. И. Бибикову, другому его свойственнику) имело некоторые черты литературной клиентелы: четко выраженная роль младшего, бедного, нечиновного, неопытного и зависимого от “патрона” опекаемого задавала как литературное, так и бытовое поведение Шишкова в период до 1796 г., когда с воцарением Павла I началось его стремительное восхождение по лестнице карьеры. Кроме того, опыт учебы и жизни в корпусе, самостоятельного продвижения по службе развили в Шишкове обостренное чувство чина, ранга, возрастной грани»; эти черты характера скажутся впоследствии «в поведении Шишкова по отношению к младшему поколению литераторов, прежде всего тех, кто имел отношение к “Беседе”» [Лямина 1995, 5–6].

В 1771 г. гардемарин Шишков совершил первое морское плавание из Архангельска на новопостроенных судах в Кронштадт. В Баренцевом море величественные картины белых ночей пробуждали в юном гардемарине поэтические восторги: «Мы забрались далеко къ сѣверу, такъ что солнце въ самую полночь не заходило уже подъ горизонтъ. Смотря въ сіи часы на сіе величественное свѣтило, которое казалось быть гораздо больше и краснѣе нежели въ полуденной высотѣ, и любуясь озаряющими поверхность моря лучами его, я съ восхищеніемъ воспоминалъ стихи Ломоносова:

Достигло дневное до полночи свѣтило,
Но въ глубинѣ лица горящаго не скрыло,
Какъ пламенна гора, казалось межъ валовъ,
И простирало блескъ багровый изъ-за-льдовъ.
Среди пречудныя, при ясномъ солнцѣ, ночи
Верьхи златыхъ зыбей пловцамъ сверкають въ очи.

Мнѣ мечталось, что я смотрю на него глазами Ломоносова и плыву съ Петромъ Великимъ» [Шишков XII, 270–271].

Кораблекрушение и последовавшее за ним чудесное спасение укрепило в Шишкове религиозное чувство благодарности к Богу и Его Промыслу, а длительное пребывание в Швеции из-за необходимости ремонта судна принесло Шишкову знание шведского языка.

После выпуска из корпуса в звании капрала Шишкову, благодаря знанию иностранных языков, довелось участвовать в новом морском путешествии, которое продолжалось три года. Цель плавания заключалась в том, чтобы

провести из Кронштадта через Дарданеллы в Черное море три фрегата; так как турки не пускали в Черное море русские военные корабли, было решено вести их под купеческим флагом.

Пользуясь длительной стоянкой у берегов Ливорно, Шишков стал учить итальянский язык. «Я купил нѣсколько Италіянскихъ книгъ, и нанялъ себѣ учителя, который показался мнѣ весьма знающимъ в словесности, и хотя онъ въ скоромъ времени собирался въ Америку, однакожъ согласился до тѣхъ поръ ходить ко мнѣ всякой день. Онъ очень любилъ Петрарка, имѣлъ у себя самыя старинныя изданія его, весьма рѣдкія, со многими печатными и рукописными примѣчаніями и объясненіями. Онъ толковалъ мнѣ Сонеты его и Пѣсни. Хотя я въ Италіянскомъ языкѣ былъ еще очень слабъ, и хотя начали мы съ самой трудной книги, однакожъ онъ такъ хорошо объяснялъ, что я самыя труднѣйшія мѣста могъ понимать и восхищаться красотою сего славнаго писателя. Иногда для перемѣны читали мы Тасса. Высокій стихотворецъ сей скоро сталъ душу мою наполнять такимъ сладкимъ восторгомъ и удивленіемъ, что она отъ часу больше жадничала его слушать. Учителю моему такъ полюбилось бесѣдовать со мною о Петраркѣ и Тассѣ, что онъ вмѣсто двухъ условныхъ часовъ просиживалъ со мною по три и по четыре часа, а иногда прихаживалъ и два раза въ день. Мнѣ казалось, что онъ самъ не меньше Тасса превозносился духомъ, читая его освобожденный Іерусалимъ и не меньше Петрарка влюбленъ былъ въ Лауру» [Шишков XVII, 197–198]. Впоследствии Шишков в память об этих занятиях перевел поэму Торквато Тассо на русский язык.

Во время плаванія вдоль берегов Греции Шишкову, может быть впервые, пришлось испытать острое чувство неприязни к французам: «Мы видѣли также нѣсколько новѣйшихъ греческихъ часовенъ съ написанными на стѣнахъ ихъ изображеніями Святыхъ и не могли надивиться буйству и злочестію безбожныхъ Французовъ, которые, заходя иногда въ сей Портъ (Мандра — А. К.), не оставили ни одной часовни безъ того, чтобъ не обезобразить лицъ Святыхъ, и не начертать вездѣ насмѣшливыхъ и ругательныхъ подписей. Удивительно до какой злобы и неистовства доводить развращеніе нравовъ! Пусть бы сами они утопали въ безвѣріи, но за чѣмъ же вѣроисповѣданіе другихъ, подобныхъ себѣ Христіанъ, ненавидѣть. Для чего Турки не обезобразили сихъ часовенъ? Для чего не иной какой языкъ читается въ сихъ гнусныхъ надписяхъ, какъ только Француской?» [Там же, 213]. Биограф справедливо замечает: «Вотъ откуда начинается ненависть Шишкова противъ французовъ. Ими было оскорблено самое священное для него чувство, прежде чѣмъ революція уничтожила расположеніе къ нимъ въ сердцахъ многихъ русскихъ» [Стоюнин 1880, 25].

Поход закончился неудачно, так как турки, заподозрив обман, не пропустили русские корабли в Черное море, однако благодаря этому на обратном пути Шишкову удалось побывать во Флоренции, Риме, Милане и Венеции и обогатиться знаніем итальянского языка.

По возвращении в Россию Шишков был произведен в лейтенанты и переведен в родной Морской кадетский корпус; здесь он с 1778 г. начал преподавать гардемаринам морскую тактику.

Как видим, уже в самую раннюю пору своей жизни А. С. Шишков проявил способность к усвоению иностранных языков, а также любовь к литературе и пылкое религиозное чувство, которые определили характер всей его дальнейшей жизни.

В Екатерининскую эпоху занятие молодыми дворянами литературой не только поощрялось, но и могло способствовать карьерному росту. Появившись в петербургских гостиных, Шишков обратил на себя внимание своими красноречивыми рассказами об Италии: по воспоминаниям И. Ф. Тимковского, на его вопрос «о разностях южной и сѣверной стороны острова, онъ сдѣлалъ живое, плѣнительное описание Палермо» [Тимковский 1874, 1450–1451]. Сергей Герасимович Домашнев, бывший в ту пору директором Академии наук и сам печатавший стихи и прозу в журналах М. М. Хераскова «Полезное увеселение» и «Свободные часы», а также анекдотически известный гонимый на букву Ъ, заметив любовь Шишкова к литературе, посоветовал ему заняться переводом детской библиотеки Кампе, состоящей из нравоучительных рассказов в стихах и прозе. К этому времени литературные вкусы Шишкова уже вполне определились: вершиной русской литературы он считал до конца своих дней поэзию Ломоносова, рядом с которым у него стояли Петров, Херасков, Державин. В содержании поэзии он более всего ценил темы героические и духовные.

Если содержание книжки было готовым, то в литературном отношении перед Шишковым стояла нелегкая задача выработать простой, понятный детям язык. Никаких образцов у Шишкова не было, поскольку детской литературы как таковой в России не существовало. С этой задачей Шишков успешно справился и представил свой перевод президенту Академии наук княгине Е. Р. Дашковой², которая приказала его напечатать. «Детская библиотека» Кампе в переводе Шишкова была настолько популярна среди детей и родителей, что была трижды переиздана.

В 1788–1790 гг. Шишкову снова пришлось вернуться на флот и участвовать в войне со Швецией. Хотя война шла не очень удачно для русского флота, все же закончилась его победой, а Шишков был пожалован золотой шпагой с надписью «За храбрость» и усыпанной бриллиантами золотой табакеркой с пятьюстами червонцами.

Еще до войны Шишков, по своему усердию к службе, начал составлять «Морской словарь» и переводить с французского языка книгу «Морское искусство» (*L'Art de la marine, par Romme*), законченные уже после войны. Печатание этих книг было сопряжено с немалыми трудностями и придворными интригами: «Морское искусство» вышло из печати в 1793 г. и было поднесено

наследнику Павлу Петровичу, чтобы снискать его расположение; «Трязычный морской словарь» был напечатан в 1795 г.

Даже беглый взгляд, брошенный на словарь, показывает, что Шишков достаточно умело справляется с толкованием терминов морской науки. В некоторых случаях толкование сводится к простой транслитерации, например: *bowsprit* — *бушпритъ*; толковать значение слова *бушприт* автор полагал излишним, вероятно, ввиду его известности всякому моряку. В других случаях одно иностранное слово толкуется через заимствование из другого языка, но более известное в русском военном обиходе, например: англ. *mallet* — *мушкетъ* (из нем. *Musket* или франц. *mousquet* 'фитильное ружье'), англ. *lug-sail* — *брифокъ*, англ. *seasing* — *бензель*. В третьих случаях автор находит русский эквивалент иностранному слову: англ. *making-iron* — *дорожникъ*, англ. *seams* — *швы у паруса*, *lean-bow* — *острый носъ*, *bluff-bow* — *широкой носъ* и т. д.

Многозначность иностранного слова раскрывается посредством реализации разных значений в словосочетаниях, например: «BOOM, сущ. — Значить подводную часть корабля, такожь и дно морское. Въ перьвомъ случаѣ говорится: a clear or a foul bottom, то есть, чистое или нечистое дно у корабля, отъ пристава́нїя къ нему травы, ракушекъ и прочаго. Также a British, French, or Dutch bottom, подводная часть по образу Англискаго, Францускаго или Голдандскаго строенїя. Во второмъ случаѣ говорится: a gosky, sandy or oozy bottom, каменистое, песчаное, илистое дно; или: грунтъ, камень, песокъ, иль».

Практический характер словаря выразился в том, что толкование значения слова осуществляется главным образом через описание самой вещи, которую обозначает данное слово, например: «BOOMRY. Сущ. — (въ купечествѣ) занятїе денегъ подъ закладъ своего судна, съ тѣмъ обязательствомъ, чтобъ въ положенной срокъ заплатить или отдать судно заимодавцу. Такожь даванїе въ займы денегъ хозяину отправляющагося въ море судна, съ тѣмъ страхомъ, чтобъ данное число денегъ получить назадъ съ условнымъ ростомъ, ежели судно возвратится благополучно изъ своего рейза, или потерять сїи деньги, ежели оно претерпитъ на пути кораблекрушенїе».

Теми же практическими соображениями обусловлено то, что в словаре дано много типичных словосочетаний, знание которых необходимо как для чтения специальной литературы, так и для живого общения, например:

«SEA. Сущ. — Море. Но иногда слово сїе значить волну, или волненїе, какъ то въ слѣдующихъ рѣчахъ:

A heavy sea broke over our bow. — Поддало на бакъ.

We shipped a heavy sea. — Поддало на корабль или въ корабль.

There is a great sea in the offing. — Въ открытомъ морѣ великое волненїе.

The sea sets to the southward. — Волны идутъ къ югу, или волненїе идетъ отъ норда.

We had a great sea a-head. — Волненіе было намъ встречу, мы имѣли великое встрѣчное волненіе.

The ship heads the sea. — Корабль идетъ противъ волненія.

A long sea. — Рѣдкія, большія волны.

A short sea. — Частыя волны.

Sea-boat. — Доброе морское судно, имѣющее въ себѣ много хорошихъ качествъ, какъ то не валкое, покойное на валахъ, и проч.

Sea-coast. — Приморской берегъ.

Sea-faring-man or sea-man. — Мореходецъ, морской человѣкъ.

Sea-marks. — Примѣтныя на морѣ мѣста или знаки, какъ то вѣхи, баканы и проч.

Sea-Room. — Довольное разстояніе отъ подвѣтреннаго берега или мѣли, такъ что корабль безъ опасности поворотить можетъ чрезъ фордевиндъ.

Sea-Weeds. — Травы, растѣнія морскія».

«Трехязычный морской словарь» стал «настоющей книгой как для гардемаринов, завершавших свое учение, так и для офицеров флота, желавших познакомиться с новинками морского дела, установить деловые контакты с иностранными флотами, где русские не один год проводили в качестве практикантов» [Файнштейн 2000, 46]. Эта работа была чрезвычайно важна для научного становления самого Шишкова: «Начав со специальной, но далеко не узкой задачи — “вычистить и основать” профессиональный морской язык, Шишков приобретал навыки обращения со словом, вкус к этой деятельности, а сам круг его целей постепенно расширялся» [Лямина 1995, 7]. Из практических наблюдений над языками вырастали общетеоретические представления о различии «круга знаменований», то есть семантического объема лексических эквивалентов, принадлежащих разным языкам, о чем речь впереди.

Лексикографические труды Шишкова и его общее усердие в занятиях языками обратили на себя внимание членов Российской академии. 16 декабря 1796 г. граф Д. И. Хвостов предложил избрать в члены Академии Ю. А. Нелединского-Мелецкого, а управляющий Академией П. П. Бакунин — «полковника Александра Семеновича Шишкова: собраніе пріемля въ уваженіе похвальные опыты въ российскомъ словѣ того и другаго избрало ихъ своими сочленами по общему согласію, безъ балотированія» [Сухомлинов VII, 188]. Однако служебная поездка в Европу, служба в Адмиралтействе и при дворе не позволяли Шишкову стать заметным академическим деятелем. Да и сама Академия после отставки Е. Р. Дашковой под управлением ничего не смыслившего в филологии Бакунина пришла в упадок: резко сократилось количество заседаний, скопленные Дашковой суммы растрачивались, вместо благородного духа равноправия воцарился дух высокомерного оскорбительного администрирования [См.: Файнштейн 2002, 38]. В 1798 г. Павел ввиду безобразий Бакунина объявил ему высочайшую немилость и отстранил от управления обеими

академиями, но активная деятельность Российской академии возобновилась лишь в 1801 г., по воцарении Александра I, тогда же возросло в ней и значение Шишкова.

2

Роль и место Российской академии в развитии гуманитарного и, в частности, лингвистического знания достаточно хорошо освещены в научной литературе [См.: Файнштейн 2002], поэтому мы ограничимся приведением лишь самых кратких сведений, необходимых для связи изложения.

По словам А. С. Пушкина, «Екатерина, стремившаяся во всем установить закон и неизблемый порядок, хотела дать уложение и русскому языку» [Пушкин VII, 365]. Действительно, лексикографически, грамматически, стилистически и орфографически обработанный литературный язык есть необходимое условие существования национального государства, в особенности такого обширного и населенного столь многими народами, как Российская империя. Полагая основной своей обязанностью заботу о благе государства, Екатерина II повелела основать академию по образцу Académie Française. В 1783 г. между императрицей Екатериной II и княгиней Екатериной Романовной Дашковой состоялся разговор³, которому суждено было войти в историю русского языкознания, так как после него Указом императрицы от 30 сентября 1783 г.⁴ была учреждена Российская академия, ее председателем назначена княгиня Е. Р. Дашкова⁵ и утвержден составленный ею план, или устав Академии.

Цель и задачи Академии определены первыми статьями устава, утвержденного на заседании 21 октября 1783 г.:

«1

Императорская российская академія состоять имѣть единственно подъ покровительствомъ Ея Императорскаго Величества.

2

Императорская российская академія долженствуетъ имѣть предметомъ своимъ вычищеніе и обогащеніе российскаго языка, общее установленіе употребленія словъ онаго, свойственное оному витійство и стихотвореніе.

3

Къ достиженію сего предмета должно сочинить прежде всего российскую грамматику, российский словарь, риторику и правила стихотворенія» [Цит. по: Сухомлинов I, 360].

Кроме забот о русском языке Академии вменялось в обязанность изучение памятников отечественной истории.

Для достижения поставленных целей необходимо было выбрать сотрудников, готовых положить свои силы на общее дело, одушевленных любовью к родному языку и словесности. Княгиня Дашкова привлекла к участию

в работе Академии писателей, составлявших гордость тогдашней литературы, известных ученых того времени, в основном членов Петербургской академии наук и профессоров Московского университета, лиц духовного звания, отличавшихся глубоким знанием православного богословия и широким научным кругозором⁶.

Как уже говорилось, первой заботой новосозданной Академии было составление словаря и грамматики русского языка. Составление грамматики требовало гораздо большего труда и более высокой лингвистической квалификации, чем та, которой обладали наличествующие члены Академии, поэтому решено было приняться за составление словаря, тем более что к исполнению этого предприятия подстегивало нетерпение императрицы увидеть плоды трудов основанного ею учреждения.

В управлении Российской академией в полной мере проявились организаторские дарования княгини Дашковой: «Самою ревностною посѣтительницею академическихъ собраній была Дашкова. Только болѣзнь и преимущественно отсутствіе въ Петербургѣ лишали ее возможности являться въ академію. Но и во время своего отсутствія она не переставала принимать живое и дѣйствительное участіе въ академическихъ дѣлахъ: продолжала работать для словаря, дѣлала различныя заявленія черезъ посредство непремѣннаго секретаря академіи и т. п. При избраніи новыхъ лицъ въ члены россійской академіи Дашкова свидѣтельствовала передъ собраніемъ о ихъ заслугахъ. Огромное большинство академиковъ избрано по ея предложенію; по ея же мысли возникъ разсадникъ молодыхъ людей, посвящающихъ себя ученой дѣятельности. Избравъ сочленовъ, Дашкова распредѣляла между ними занятія, неутомимо слѣдила за ходомъ ученыхъ работъ, подвергала ихъ внимательному разсмотрѣнію въ академическихъ собраніяхъ, привѣтствовала каждую счастливую мысль, и горячо спорила противъ мнѣнія, которое признавала несправедливымъ. При оспариваніи чужихъ мнѣній она иногда впадала въ крайность, обнаруживала излишнюю настойчивость и нетерпимость. Дашкова умѣла ставить вопросы, возбуждала оживленныя пренія, призывала сочленовъ къ изслѣдованію различныхъ сторонъ въ области занимающаго ихъ предмета и руководила научными работами. Не ограничиваясь ролью руководительницы, Дашкова принесла академіи и весьма значительную долю своего личнаго труда, работая сама надъ рѣшеніемъ вопросовъ и выполненіемъ предпріятій, возникавшихъ въ ученомъ кругу академіи. Въ управленіи россійскою академіею, въ сношеніяхъ съ ея членами, въ академической жизни вообще Дашкова обнаружила много ума, таланта, энергіи и уваженія къ наукѣ и къ человѣческому достоинству» [Сухомятинов I, 38].

Ввиду многообразия и сложности работ по подготовке толкового словаря Дашкова для разделения труда образовала три отдела — грамматический, объяснительный и редакционный — и распределила сотрудников по избранным

ими отделам; кроме того, ею был образован особый отдел для объяснения технических терминов, употребляемых в науках, искусствах, ремеслах, промыслах и т. п.

Как ни интересна организационная сторона дела, но для исследования нашей темы гораздо большее значение имеют идейные основы «Словаря Академии Российской». Принципы составления словаря находились в зависимости от тех лингвистических идей, которые господствовали в европейской науке 2-й половины XVIII в.

Это было время особенного интереса к языкам, заключавшегося прежде всего в сравнении их между собой. Самые широкие замыслы в отношении сравнительного изучения языков, в том числе и славянских, имел знаменитый В. Лейбниц, который «даже практического Петра Великого заставил заниматься разноязычными текстами молитвы Господней» [Кочубинский 1887, 5]. Идея сравнительного изучения языков, ставшая общим местом европейского языкознания, нашла свое воплощение в целом ряде изданий, среди которых надо указать на восьмитомное сочинение французского «ученого», масона, оккультиста, астролога и лингвиста Антуана Кур де Жебелена «Le Monde primitif analysé et comparé avec le monde moderne» (Paris, 1773–1781). Это издание было поднесено Екатерине Великой, которая, читая эти тома, увлеклась идеей сравнительного изучения языков.

Во-первых, в этой книге Екатерину особенно поразила мысль о том, что «всѣ языки могутъ быть выводимы изъ одного кореннаго» [Грот 1877, 427], и она с увлечением начала собирать лексические материалы, о чем сама поведала в письме к Гримму: «Я прочитала съ полдюжины Русскихъ лѣтописей и три тома Monde primitif. Знаете ли вы эту книгу? И я вытребовала себѣ всѣ словари, какіе могла отыскать, между прочимъ Финскій, Черемисскій, Вотяцкій, и этимъ завалены всѣ мои столы. Кромѣ того я собрала множество свѣдѣній о древнихъ Славянахъ и могу въ скоромъ времени доказать, что они сообщили названія большей части рѣкъ, горъ, долинъ, округовъ и областей во Франціи, Испаніи, Шотландіи и другихъ странахъ» [Там же, 430]. В другом письме Екатерина приводит длинный список иностранных слов, которые производит из русского языка, однако ее этимологические сопоставления покоились на внешнем созвучии: «Слово *баронъ*, записала она напр., не что иное, какъ *бояре*, и теперь у Англичанъ всѣ судіи называются баронъ такого-то суда, и сіе для того, что Саксонцы судились боярами». — «Америка, Перу, Мексика и Чили наполнены Славянскими названіями». — «Названіе *Перигоръ*, во Франціи, не что иное, какъ имя, составленное изъ двухъ или даже трехъ слоговъ чисто-Славянскаго происхожденія» [Там же, 431]. В этих штудиях Екатерина следовала обычному и любимому приему тогдашнего языкознания: «То же дѣлали Татищевъ, Тредьяковскій, отчасти Ломоносовъ и даже Шлегель;

наконецъ, еще и въ нашемъ столѣтїи особенную извѣстность такими сближеніями приобрѣлъ Шишковъ» [Там же, 431].

Во-вторыхъ, Екатерину заинтересовала мысль о том, что слова находятся в словопроизводных отношениях. Сохранилась ее собственноручная заметка «Trois classes de mots» («Три разряда слов»):

«1. Les mots primitifs qui exprimaient les idées générales, les idées prises dans leur sens le plus vaste, le plus étendu, au-delà duquel il n'y a plus d'analyse; tels sont les mots: grand, fort, beau, mer, terre, air.

2. Les mots dérivés qui expriment les nuances de ces idées, tels que: grandeur, forteresse, beauté, maritime, terrestre, aéré &c.

3. Les mots composés de plusieurs autres, tels que: grand-père, renfort, embellir, outre-mer, basse-terre, bel-air.

On cherche donc à reconnaître dans chaque langue quels étaient ces mots primitifs, quels les dérivés, quels les composés, et en les rassemblant ainsi, on en formait des familles nombreuses»⁷ [Там же, 427].

Увлеченная открывшимися горизонтами, Екатерина поручает почетному члену Санкт-Петербургской академии наук пастору Д. Дюмареску составить сравнительный словарь азиатских языков, который был издан в Англии под названием «Comparative Vocabulary of the Eastern Languages». Она приказывает русскому посланнику в Константинополе Я.И. Булгакову при посредстве патриархов Антиохийского и Иерусалимского перевести около 300 русских слов на эфиопский, абиссинский и другие языки. Образец собирания слов с переводами на латинский, немецкий и французский языки был разослан во все губернии Российской империи ко всем русским посланникам при иностранных дворах с повелением доставить переводы этих слов на все возможные языки. «Вслѣдствіе того списки словъ по губерніямъ составлялись большею частью офиціальными переводчиками и были присылаемы за подписями не только ихъ самихъ, но также секретарей губернскихъ канцелярій, а часто даже губернаторовъ и намѣстниковъ. При этомъ въ особыхъ донесеніяхъ излагались иногда и способы, употребленные для исполненія монаршей воли; нѣкоторые присоединяли къ тому цѣнные извѣстія о народахъ и языкахъ ихъ или даже цѣлые словари. Съ своей стороны и посланники усердно пополняли матеріалы переводами на языки и нарѣчія тѣхъ странъ, гдѣ они находились; изъ Лондона, Гаги и Мадрида списки словъ были отосланы въ Китай, Северную Америку и Бразилію; въ Соединенныхъ Штатахъ Вашингтонъ поручилъ это дело губернаторамъ. Ученые всѣхъ странъ также были приглашены къ участию въ собираніи словъ» [Там же, 434].

Екатерина II приглашает к разработке этого вопроса академика Гартвига Людвига Христиана Бакмейстера, который уже в 1773 г. опубликовал брошюру «Idea et desideria de colligendis linguarum specimenibus», являвшуюся призывом сообщать ему переводы русских слов на разные языки по приложенному

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение	3
<i>Глава 1.</i> Начальные годы	9
<i>Глава 2.</i> Борьба против «нового слога» карамзинизма	42
<i>Глава 3.</i> «Гроза двенадцатого года...»	153
<i>Глава 4.</i> «Опыт славенского словаря»	166
<i>Глава 5.</i> «Опыт словопроизводного словаря»	187
<i>Глава 6.</i> Работы по сравнительному языкознанию	212
<i>Глава 7.</i> Последние годы. Жизнь после смерти. Два посмертных лика Шишкова	241
В предрассветных сумерках(вместо заключения)	298
Примечания	302
Библиография	352

Научное издание

Александр Михайлович Камчатнов

РУССКИЙ ДРЕВОСЛОВ АЛЕКСАНДРА ШИШКОВА

Лингвистическое наследие А. С. Шишкова
в научном и культурном контексте эпохи

Корректор *Е. Г. Закревская*

Оригинал-макет *Л. Е. Голод*

Дизайн обложки *И. А. Тимофеев*

Подписано в печать 31.07.2018. Формат 70×100¹/₁₆

Бумага офсетная. Печать офсетная

Усл.-печ. л. 29,7. Заказ № 1216

Тираж 300 экз.

Издательство «Нестор-История»

197110 СПб., Петрозаводская ул., д. 7

Тел. (812)235-15-86

e-mail: nestor_historia@list.ru

www.nestorbook.ru

Отпечатано в типографии издательства «Нестор-История»

Тел. (812)235-15-86